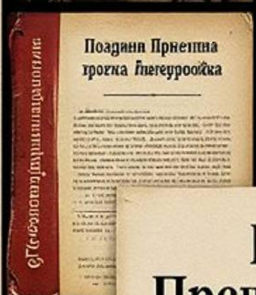
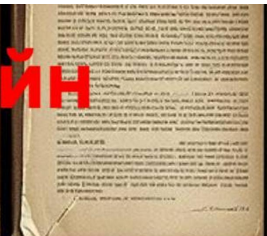
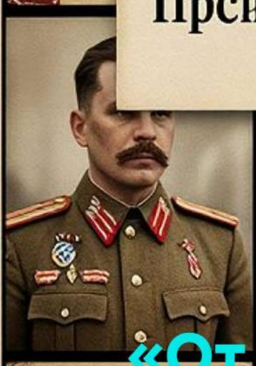

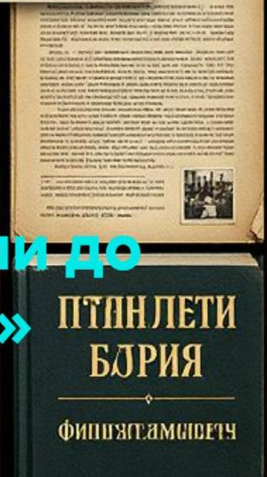
Дара Вейн

Росовинная Прсириг пвспетсния

«От оттепели до распада»

Дара Вейн

«От оттепели до распада»

<https://litres.ru/74490589>

SelfPub; 2026

Аннотация

Охватывает 1953—1991, от ареста Берии до распада СССР. Судьбы детей Сталина и Берии после смерти вождя, оттепель, застой, перестройка, и вопрос Светланы Аллилуевой, который остаётся открытым.

Содержание

Том II. От оттепели до распада	5
Введение ко второму тому	6
Часть I. Сто дней без Сталина и Берии: борьба за власть (март — июнь 1953)	7
Глава 1. Триумвират	7
Глава 2. Реформы Берии — «первая оттепель»	9
Глава 3. Заговор	11
Глава 4. 26 июня 1953 года	13
Часть II. XX съезд и тайный доклад (1956)	15
Глава 1. Подготовка	15
Глава 2. 25 февраля 1956 года	17
Глава 3. Реакция	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дара Вейн

«От оттепели до распада»

Берия и Сталин. Тень и Вождь

Том II. От оттепели до распада

Введение ко второму тому

Первый том заканчивался 23 декабря 1953 года — днём, когда Лаврентий Павлович Берия был расстрелян в бункере штаба Московского военного округа. Сталин был мёртв уже десять месяцев. Два человека, определявших жизнь четверти земного шара, ушли в течение одного года. Но их тени — длинные, тяжёлые, неотступные — продолжали двигаться по истории ещё четыре десятилетия.

Этот том охватывает период с 1953 по 1991 год: от хрущёвской оттепели и секретного доклада на XX съезде до распада Советского Союза. Мы проследим, как страна пыталась освободиться от сталинского наследия — и как это наследие возвращалось, меняя обличье. Мы увидим, как складывались судьбы детей и внуков обоих диктаторов: Василия Сталина, умершего в Казани в безвестности; Светланы, бежавшей в Америку и вернувшейся; Серго Берии, защищавшего память отца до самого конца.

Мы проследим деградацию советской системы — от энтузиазма оттепели к цинизму застоя, от катастрофы в Новочеркасске к молчаливому согласию брежневской эпохи, от горбачёвской перестройки к августу 1991-го, когда всё рухнуло. И на всём протяжении этого пути — тень. Тень Сталина. Тень Берии. Тень системы, которую они построили и которая пережила их на тридцать восемь лет.

Часть I. Сто дней без Сталина и Берии: борьба за власть (март — июнь 1953)

Глава 1. Триумвират

После смерти Сталина 5 марта 1953 года власть не досталась никому одному. Сложился триумвират — формальное коллективное руководство, в котором каждый из трёх ключевых игроков имел свою силу и свою слабость.

Георгий Маленков, председатель Совета Министров, был номинально первым лицом государства. Он был умён, осторожен, обладал аппаратным чутьём, но не имел собственной силовой базы. Его власть держалась на том, что его боялся Берия — а Берию боялись все остальные.

Лаврентий Берия, первый заместитель Маленкова и министр внутренних дел, объединивший под своим контролем МГБ и МВД, был самым опасным человеком в триумвирате. Он контролировал силовой аппарат, архивы, компромат на всех. Он знал, кто что подписал, кто кого арестовал, кто что сказал на допросах. Он был единственным из троих, кто имел реальный опыт управления карательным аппаратом.

Никита Хрущёв, секретарь ЦК КПСС, был на первый

взгляд слабейшим из трёх. У него не было ни поста председателя правительства, как у Маленкова, ни контроля над спецслужбами, как у Берии. Но у него было кое-что другое: он умел находить общий язык с людьми. Он был своим для партийной номенклатуры — простоватый, шумный, «от земли». И он тихо, методично выстраивал коалицию против Берии.

Глава 2. Реформы Берии

— «первая оттепель»

То, что произошло в сто дней между смертью Сталина и арестом Берии, до сих пор вызывает споры у историков. Берия — палач, организатор массовых репрессий, человек, чьи руки по локоть в крови, — вдруг начал проводить либеральные реформы с такой скоростью, что его коллеги по Политбюро не успевали за ним.

27 марта 1953 года была объявлена амнистия. Из лагерей освободили более миллиона человек — уголовников, бытовиков, нетяжких политических. Берия предложил прекратить «дело врачей» — антисемитскую кампанию, кульминаровавшую в январе 1953 года, когда группа преимущественно еврейских врачей была обвинена в убийстве советских лидеров. 4 апреля газета «Правда» опубликовала сообщение МВД о том, что обвинения были ложными и добытыми «недопустимыми методами следствия».

Берия выступил за нормализацию отношений с Югославией, разорванных Сталиным в 1948 году. Он предлагал передать часть экономических функций от партийного аппарата к государственным органам. Он предлагал ограничить привилегии партийной номенклатуры. Он даже предложил ввести выборность руководителей в системе МВД.

— Зачем тебе это нужно, Лаврентий? — спросил его Ми-

коян на одном из заседаний.

— Страна задыхается, — ответил Берия, по воспоминаниям очевидцев. — Ещё год такого режима — и мы получим восстание.

Но его коллеги видели в этих реформах не заботу о стране, а ловкий тактический ход. Берия реформировал — значит, Берия лучший реформатор. Берия освобождает невинных — значит, Берия против репрессий, а не мы. Берия нормализует отношения с Югославией — значит, Берия прав, а Сталин, чьим верным соратником он был тридцать лет, ошибался. И главное — Берия, контролирующий спецслужбы, реформирующий страну и приобретающий популярность, становился слишком опасен для всех остальных.

Глава 3. Заговор

К концу июня 1953 года Хрущёв провёл серию бесед с членами Президиума ЦК. Он говорил с Маленковым, Булганиным, Кагановичем, Сабуровым, Первухиным, Микояном. С каждым — по-разному.

Маленкову он говорил: «Георгий Максимилианович, Берия вас отодвинет. Ему не нужен первый заместитель — ему нужно первое место. Он уже расставляет своих людей в МВД. Завтра он придёт за вами».

Булганину, министру обороны: «Николай Александрович, Берия хочет подчинить армию МВД. Он уже говорил о сокращении Вооружённых сил на миллион человек. Кто следующий — после армии?»

Кагановичу, старому большевику: «Лазарь Моисеевич, вы помните, как Берия расправлялся с людьми в Грузии? Вы думаете, он изменился? Он просто сменил тактику».

Каждый из них имел свои причины бояться Берии. У каждого были свои грехи, о которых Берия знал. У каждого было что терять. Хрущёв собирал их по одному, как паук собирает нити.

— Мы должны действовать вместе, — говорил Хрущёв. — Решительно. Без колебаний. Иначе он нас уничтожит поодиночке.

Маленков колебался. Булганин — нет. Каганович — и

подавно. Микоян, единственный, кто относился к Берии с некоторой симпатией, сказал: «Тогда нужно решать вопрос о судьбе Берии. Я за то, чтобы оставить его в Политбюро и дать ему другой пост».

— Нет, — ответил Хрущёв. — Это не сработает. Он нас всех сожрёт.

Глава 4. 26 июня 1953 года

Заседание Президиума ЦК было назначено на 26 июня. Берия приехал из Кремля, где проходило совещание. Он был в хорошем настроении, шутил, разговаривал с охраной.

Когда он вошёл в зал заседаний, все уже были в сборе. Маленков открыл заседание и сразу перешёл к повестке: «Вопрос о Л.П. Берии».

По воспоминаниям Хрущёва, Маленков зачитал обвинения — Берия ведёт антипартийную деятельность, подрывает единство партии, пытается поставить МВД над партией и правительством. Берия побледнел.

— Что это значит? — спросил он. — Товарищи, давайте спокойно обсудим.

Но спокойного обсуждения не получилось. Хрущёв встал и произнёс длинную, заранее подготовленную речь. Он перечислил грехи Берии — от чисток в Грузии в 1930-х годах до расстрелов в Польше, от доносов на коллег до попытки поставить МВД над партией. Он говорил эмоционально, жестикулируя, повышая голос.

— Ты — враг партии! — крикнул Хрущёв.

— Я не враг, — Берия попытался возразить. — Я всю жизнь служил партии.

Булганин тихо вышел из зала и отдал приказ военной охране — офицерам, которых Хрущёв заранее расставил во-

круг здания. В зал вошли генерал Москаленко и полковник Зотов. Берия увидел их и потянулся к портфелю, где, по слухам, лежал пистолет. Но Москаленко был быстрее.

Берию вывели из зала. Два дня он провёл в бункере, потом его перевезли в подвал штаба Московского военного округа. Следствие вёл генеральный прокурор Руденко — человек, преданный Хрущёву.

Спустя полгода, 23 декабря 1953 года, Берия был расстрелян. Вместе с ним — его ближайшие соратники: Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский. Всех их обвинили в шпионаже в пользу иностранной державы — стандартная, затёртая формулировка, которую сами они десятки раз применяли к другим.

Часть II. XX съезд и тайный доклад (1956)

Глава 1. Подготовка

К 1956 году Хрущёв укрепился во власти. Маленков был отодвинут — в феврале 1955 года его заменил на посту председателя Совета Министров Булганин, сам же Маленков стал... никем. Берия был мёртв. Оставшиеся «старые большевики» — Молотов, Каганович, Ворошилов — теряли влияние, хотя формально оставались в руководстве.

Хрущёв решил, что настало время покончить со сталинским наследием. Но не полностью — а так, как он считал нужным: осудить «нарушения социалистической законности», «культ личности», но сохранить систему. Осудить Сталина, но не партию. Осудить репрессии, но не тех, кто их проводил — по крайней мере, не всех.

Доклад готовился в строжайшей тайне. Текст писала комиссия — Пospelов, Аристов, Шверник. Хрущёв правил его лично. Он читал документы из архивов — протоколы допросов, расстрельные списки, показания. Он сам подписал часть этих списков в своё время — как секретарь ЦК Украины, как первый секретарь Московской парторганизации. Но об этом

в докладе речи не было.

— Товарищи, — сказал Хрущёв на одном из совещаний по подготовке доклада, — мы должны сказать правду партии. Не всю правду — партия не выдержит всей правды. Но достаточно, чтобы это больше не повторилось.

— А если народ спросит, почему мы молчали? — спросил кто-то из присутствующих.

— Народ не спросит, — ответил Хрущёв. — Народ хочет, чтобы мы признали ошибки и исправили их. Он не хочет мести. Он хочет жить нормально.

Глава 2. 25 февраля 1956 года

XX съезд КПСС открылся 14 февраля 1956 года и шёл штатно — отчётный доклад, бюджет, планы пятилетки. Делегаты думали, что съезд закроется в намеченный срок. Но после официального закрытия, 25 февраля, было объявлено закрытое заседание — без иностранных гостей, без прессы.

Хрущёв поднялся на трибуну. Зал замер.

«Мы должны, — начал он, — рассмотреть вопрос о культе личности и его вредных последствиях...»

Он говорил четыре часа. Он говорил о массовых репрессиях 1937—1938 годов. О невинных людях, расстрелянных по сфабрикованным обвинениям. О пытках на допросах. О депортациях народов. О военных ошибках Сталина в начале Великой Отечественной войны. О «деле врачей». О том, как Сталин готовил новые чистки в 1952—1953 годах.

Он назвал цифры — тысячи расстрелянных членов партии, десятки тысяч репрессированных. Он процитировал письма репрессированных — Ленина, видных большевиков. Он сказал, что Сталин «скрывал от партии свою неспособность руководить страной».

Зал молчал. Делегаты слушали в гробовой тишине. Некоторые плакали. Один — по воспоминаниям — потерял сознание.

«Мы не можем, — продолжал Хрущёв, — допустить, что-

бы подобные явления повторились в нашей партии. Товарищи! Культ личности приобрёл такие уродливые размеры, что мы не можем не остановиться на этом вопросе...»

Но культ личности Сталина был не просто «уродливым размером». Это была система, в которой каждый из присутствующих участвовал. Каждый аплодировал, каждый голосовал, каждый подписывал. Хрущёв — тоже. И он знал это. И потому доклад был одновременно честным и лицемерным, смелым и трусливым, революционным и ограниченным.

Когда Хрущёв закончил, в зале повисла тишина. Аплодисментов не было. Делегаты расходились молча. Многие не знали, что им делать с тем, что они услышали.

Глава 3. Реакция

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.